Моск. комсомолец. — 1998 — 7 авг. — с. 8

КОГО БОИТСЯ РУССКИЙ РЭМБО

Если бои — то без правил. Если гонки — то на выживание. Если пояс по каратэ — то черный. Если "Мерседес" — то белый. Все по максимуму, все в превосходной степени, все за пределами средней нормы. Просто крутой вокер какой-то, а не каскадер Александр Иншаков.

Говорят, когда Иншаков садится на свой любимый мотоцикл, у гаишников на Рублевке начинается жужжание в ушах. То не пчелы жужжат и не шмели. То Александр Иваныч едет домой, к жене. Торопится, вот и поддает газку. Ну, привык человек к экстремальным скоростям. Ему положена лошадиная доза адреналина два раза в день, утром и вечером, для нормального самочувствия.

Я тоже люблю быструю езду, но вместо этого меня погружают в длинный, сарделеобразный "Линкольн", и медленно, неторопливо лавируя в пробках, мы приезжаем в банк. Это его вотчина. Здесь, в заднем дворике, так же чинно и неторопливо, безо всякого адреналина, пьем кофе.

Вроде и не скажешь, что этот господин всю жизнь дрался, горел, летал, скакал, падал, кувыркался и взрывался. На его счету больше ста пятидесяти фильмов — "Ответный ход", "Одиночное плавание", "Тегеран-43", "Человек с бульвара Капуцинов", "Асса", "Холодное лето 53-го". Это он вместо знаменитого Гойко Митича падал в море с корабельной реи.

Нынче он сам продюсирует свои фильмы. И ездит на серебристом "Линкольне" с охраной. Как-никак, бой без правил и гонка на выживание — это неплохая наука побеждать.

— Александр Иваныч, скажите честно, у вас было трудное детство?

— Едва ли оно было трудное. Как у всех, обычное детство. Бандитом не был и приводов не было. Рос в нормальной семье.

— Интересно просто — что заставляет человека делать риск нормой жизни?

— Сложно объяснить. Стечение обстоятельств, случай. Я всю жизнь был в спорте. А в нашу профессию люди в основном приходят из спорта. Мне повезло — сосед был спортсмен, хороший гимнаст. Отец преподавал физкультуру, и я занимался почти всеми видами спорта — от легкой атлетики до хоккея, волейбола и баскетбола. Первое серьезное увлечение — спортивная гимнастика. Позже увлекся боксом, занимался борьбой дзюдо-самбо. Потом каратэ.

— Правда, что у вас черный пояс по каратэ? Это, по-моему, самая верхняя ступень.

— Да. Но сейчас, по прошествии времени, я бы сказал, что это — начальная стадия изучения боевых искусств.

— Против пятнадцати человек чувствуете себя в безопасности? Или против двадцати?

— Вообще-то я все время чувствую себя в безопасности. Не имеет значения, сколько людей. Имеет значение то, как ты себя ведешь. Я стараюсь до драки не доводить. И, как правило, люди подсознательно чувствуют, что не стоит проявлять агрессию при встрече с тем, кто в себе уверен. Хотя я наблюдал такие моменты, когда и черные пояса пасовали. Смотря как и каким трудом эти пояса доставались. Но в принципе серьезно подготовленный человек может доставить неприятности большому количеству людей, не знаю точно какому.

— А вас били когда-нибудь?

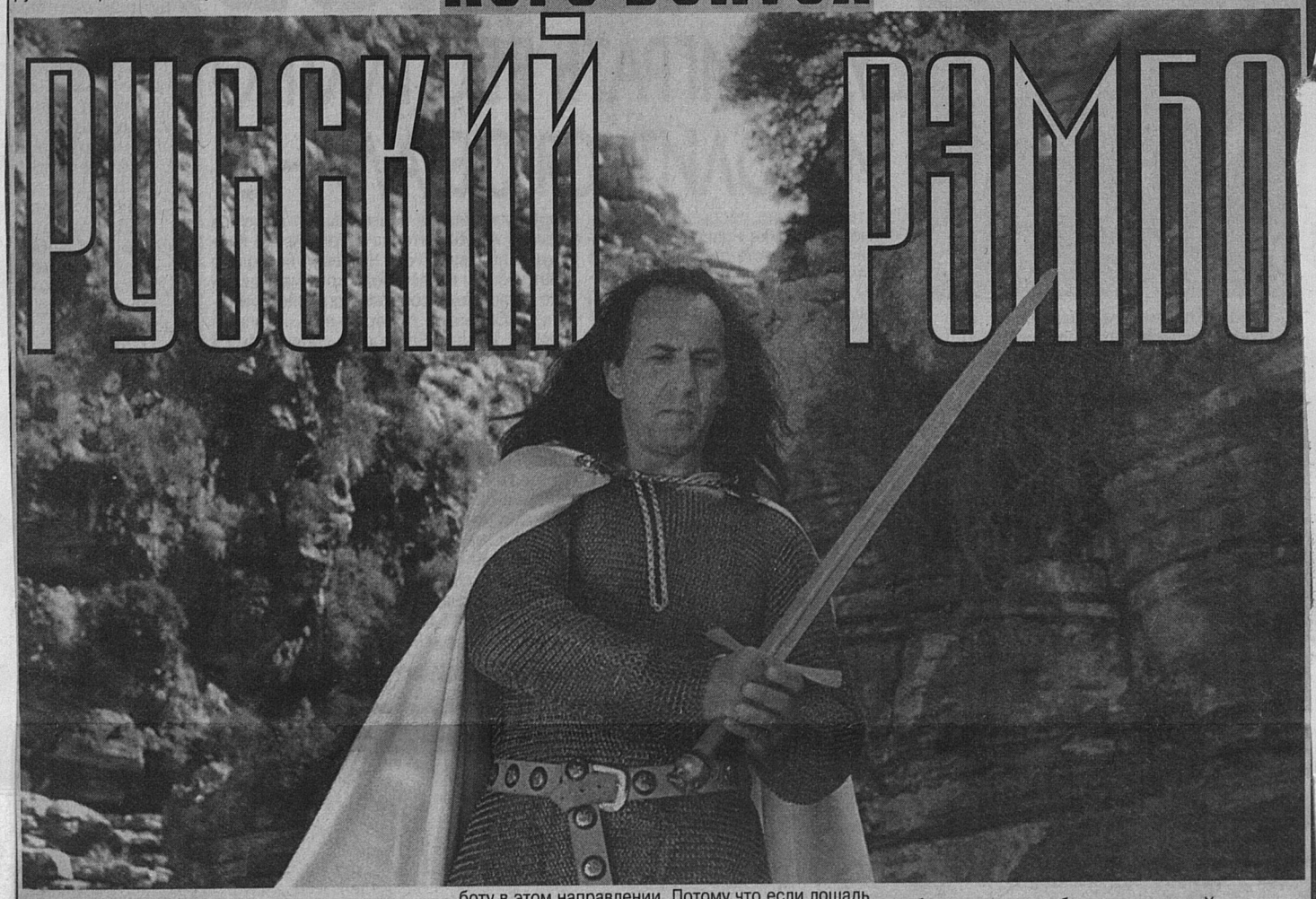
— Всякое бывало. И нос ломали, и травмы случались на тренировках. А так чтобы на улице — слава богу, обходилось. Правда, один раз действительно досталось. Я ехал с женой, вышел из машины как-то неосмотрительно и сзади получил удар по голове чем-то вроде трубы. Очнулся, когда услышал крик жены. Она бросилась защищать меня и тоже получила удар. Пришел в себя, и мы разобрались с хулиганами. Наверное, им было не очень хорошо.

— К слову, о машинах — говорят, у вас какой-то супернавороченный экземпляр, такой же, как у Шварценеггера?

— Какой?

— "Ламборджини".

— Да, только она называется "Ламборгини". Сделана довольно необычно и в весьма ограниченном количестве. Они выпускались от силы два-три года, ручная сборка, и поэтому их действительно мало.



— А "Линкольн" — это тоже ваша машина?

— Это служебная машина.

— Вообще-то считается, что тяга к огромным автомобилям свойственна толстым дяденькам с кучей комплексов по поводу своей мужской состоятельности...

— А я как раз не люблю большие машины. У меня они все достаточно компактные — вон, видите, "Мерседес" мой стоит **(тот самый — белый)**. Да и "Ламборгини" тоже не очень большая машина, четырехместная. Она просто очень мощная. Я, когда был в Америке, увидел ее и влюбился. Машины — это моя слабость.

— А еще какие слабости есть у сильного человека?

— Люблю животных, собак. У меня три мастифа, недавно я со своим товарищем Женей Цигильницким написал книгу о собаках "Доги и бульдоги".

— А слабости характера?

— Наверно, какие-то есть, без слабостей людей не бывает. Но я не задаю себе этот вопрос.

— Каскадер — это действительно опасная профессия? Или, может, так просто принято считать?

— Любая профессия по-своему опасная. Водитель такси тоже рискует. У нас риска чуть-чуть побольше, чем у других. Но тут уж специфика такая. Мы должны рисковать, причем сознательно. Конечно, по максимуму все просчитываем, но элемент случайности все равно остается. И травмы поэтому бывают.

— У вас были просчеты?

— Иногда это не от тебя зависит. Все случаи не угадаешь. Порыв ветра во время горения или взрыва — и весь огонь может пойти на тебя. Бывает, лошадьми накрывает. Или падаешь не так, как надо.

— Лошади часто калечатся во время съемок?

— Не часто, если работает профессионал. Я вообще-то противник так называемых подсечек — это когда лошади подсекают передние ноги в движении. Их вообще надо исключить из нашей работы, это возможно. С тех пор, как я стал президентом Ассоциации каскадеров, провел довольно большую работу в этом направлении. Потому что если лошадь на съемках ломает ногу — ее пристреливают. К сожалению, это так.

— У вас был трюк, который мог стоить вам жизни?

— Я хорошо запомнил, как мы работали в фильме Николая Губенко "Запретная зона" — по следам смерча в Иванове. Надо было повторить этот смерч, как он закручивает и несет людей. Подогнали турбореактивные двигатели, которыми очищают посадочную полосу. Там чрезвычайно сильный напор воздуха и очень высокая температура у сопла — под 800 градусов. Мы для пробы кидали туда бочку килограммов на 30—40, так ее уносило как из рогатки. Потом я и еще двое моих ребят разбегались и прыгали туда. Метров 10—15 летели по воздуху и еще метров 20 по земле. Движение неуправляемое. Потом включалась встречная турбореактивная установка, нас разворачивало, потом еще одна и еще одна. Вроде как смерч. Мы отрепетировали, начали снимать, и тут кто-то что-то перепутал. Словом, когда я вошел в сопло, установка включилась совсем не та и в другом направлении — встречная. Сбоку стояла большая поленница дров, и вся она пошла в меня. Можете себе представить, с какой силой летели поленья, если бочку уносило. Тут уже было действительно не до шуток. Ощущения очень сильные. Я летел, в меня попадали эти поленья — в лицо, в голову. Я пытался защититься, потом зацепился за землю из последних сил. Коля Губенко решил, что меня убило. Потому что обстрел был серьезный. Когда я встал, у меня один глаз не видит, другой заплыл, но сам цел. Это один из случаев, вроде бы рядовой, да?

— Для вас, может, и рядовой. Можно сказать, что вы в рубашке родились?

— Наверное, да. Везет мне от серьезных травм.

А могу рассказать смешной случай. Снимали картину "Катала". Виктора Павлова скидывали с 9-го этажа, подготовили куклу. Я стою, командую, а мимо идет бабуля с авоськой и спрашивает — что здесь будет. А я что-то был настроен шутливо и говорю: "Бабуля, сейчас каскадер упадет с 9-го этажа". Она остановилась, смотрит, народ собрался. Кукла полетела, сделана она была хорошо, даже ногами шевелила в полете. Приземлилась очень точно — головой, лицо вниз, и оттуда струйка крови пошла. Полное ощущение, что это человек. Я говорю: "Так, хорошо, лежи-лежи, не шевелись, камера работает!" Стоит мертвая тишина, народ не понимает — то ли шутка, то ли нет. Бабуля перекрестилась и говорит — бог мой, никаких денег не надо за такую работу.

— На мой взгляд, вообще работа неблагодарная. Каскадер делает все самое сложное, а его никто не знает в лицо и даже фамилию не всегда в титрах пишут. Мужское самолюбие не страдает?

— Одно время было. Ты крутишься-вертишься за главного героя, почти полностью все за него делаешь, учишь его бегать, прыгать, драться, фехтовать. А тебя как бы и нет. Но потом все это прошло. Этим надо переболеть. Специфика профессии требует от каскадера уметь иногда ложиться под актера. Делать так, чтобы он выглядел более выигрышно, поднимать его за счет себя. Не каждый спортсмен на это может пойти, люди в спорте привыкли побеждать. Поэтому и не каждый может остаться в нашей профессии. Остаются единицы.

— Как вы оцениваете уровень наших каскадеров рядом с западными?

— Очень высоко. Как показывает практика, наши ребята в любом случае не хуже. Если не лучше.

— Почему тогда у нас нет звезд типа Сталлоне или Шварценеггера?

— Почему это нет? У нас есть такие люди. Просто пока не снимались такие фильмы. Приключенческое кино шло немножко в другом направлении. Возьмите того же Александра Карелина — нашего олимпийского чемпиона по греко-римской борьбе. Если мы его снимем, ни один Шварценеггер, ни один Сталлоне рядом стоять не смогут. Но для этого нужен соответствующий сценарий, бюджет, нужно и его заинтересовать. И одного его появления будет более чем достаточно.

— На чем основано ваше благосостояние? На кино больших денег не заработаешь, а вы ведь состоятельный человек?

— Относительно да, наверное. Не могу сказать, что я нуждаюсь. И по мере возможности даже кому-то пытаюсь помогать. Я с первых шагов учился зарабатывать деньги. Как только началась перестройка и появилась возможность частного предпринимательства, я со своими друзьями открыл сначала один ресторан, потом другой. Сейчас вот в финансовые структуры залез. Потому что понял: пока сам не заработаешь, никто тебе денег не даст. Хотя, думаю, очень скоро и кино у нас в стране начнет приносить прибыль.

— Это ваш банк?

— Это наш банк. У меня целый ряд компаньонов, товарищей, с которыми мы это дело начинали много лет назад. Банк работает шестой год, в непосредственное управление мы его взяли год назад. И все впереди, я надеюсь.

— Вы организовали настоящее мужское шоу — гонки на выживание. Там кипят бешеные страсти. Сами же почему-то в них не участвовали. Азарт пропал?

— На тот период на меня упало слишком большое количество организационной работы. И Ассоциация каскадеров, и фонд развития трюкового кино — все-таки я президент. Еще вице-президент клуба "Фауна" — одного из крупнейших кинологических объединений России. Не так давно появился "Теннисный VIP-клуб", организатором которого тоже являюсь я.

— Какой вы многосторонний человек!

— Так вот жизнь кидает. Я не знаю, чем буду заниматься завтра. Хочется попробовать и там, и там. Есть еще и Международный совет по абсолютным поединкам — панкратеону. В Древней Греции была такая олимпийская дисциплина — так называемые бои без правил. Мы пытаемся в меру наших возможностей оживить этот вид спорта. Это настоящий мужской спорт, где действительно побеждает сильнейший.

— Скажите, а эти люди, которые нас сопровождали, — ваши телохранители?

— Это специфика работы в банке требует, чтобы они находились рядом со мной. Хотя я это не очень люблю.

— Они сильнее, чем вы?

— Намного!!! **(В глазах - смех.)**

— А есть ли что-нибудь, чего вы боитесь?

— Я боюсь глупости.

Катя ПРЯННИК.
Фото Сергея КОРОТКОВА.